

Большое раскидистое вяз рос на западе от тока, на пустой площадке перед дверью склада. На одной из его толстых ветвей, разросшихся вширь, были привязаны качели — забава для детворы. На другой отвисшей толстой ветви витал обломок лемеха — импровизированный колокол, ударять в который имел право только бригадир, когда требовалось созвать народ на собрание или огласить побудку на работу. Хотя дерево стояло в низине горной лощины, его макушка возвышалась вровень с окружающими горную деревню сопками. На самом верху закрепили огромный рупор. Это было поистине вещание с макушки дерева: голос легко перемахивал через горные хребты и разносился на десятки ли вокруг. Громкоговоритель использовался для пропаганды политики, разъяснения идей и трансляции революционных песен.

Сегодня было 24 апреля 1970 года — день, когда наша страна успешно осуществила первый запуск искусственного спутника Земли. Аппарат представлял собой семидесятидвухгранник диаметром один метр и весил 173 килограмма. На спутнике были установлены различные приборы для телеметрии и слежения, а также генератор мелодии «Восток алый», который на частоте 20009 кГц непрерывно транслировал на землю эту песню, телеметрические сигналы и данные. Успешный запуск стал прекрасным началом развития отечественных космических технологий.

Когда люди мирно беседовали под большим вязом, из репродуктора внезапно зазвучала божественная мелодия «Восток алый». Все присутствующие ощутили такое сильное волнение, будто их тела пронзил мощный разряд тока. Никто не сдвинулся с места, все затаили дыхание. Струны их сердец отзывались в унисон с музыкальными аккордами, а мысли резонировали под удары этой мелодии. В тот миг женщины сдерживали даже позывы в туалет, а мужчины не решались выдохнуть затянутый тавтубачный дым — каждый боялся, что малейшее движение воздуха помешает окружающим слушать. Шаловливые дети в одно мгновение словно повзрослели: никто не шумел и не баловался, все тихо стояли в толпе, интуитивно понимая всю святость момента.

Это паломническое выражение лиц группы людей было запечатлено на черно-белой фотографии, навечно вписанной в священную поэтическую летопись, отражающую саму суть духа китайской нации: бедность, отсталость и абсолютная нужда — ничто из этого не страшно. До тех пор пока люди едины, сплочены и преданы идеалам, им нечего бояться — ни неба, ни земли. С таким духом Китай неминуемо ждет возрождение, процветание и могущество.

Начиная с Седьмого съезда партии в 1945 году, когда в устав было внесено положение о том, что «идея **, объединяющая теорию марксизма-ленинизма и практику китайской революции, является руководящей идеологией Китая», и вплоть до 9 сентября 1976 года, когда ** ушел из жизни, этот период именовался эпохой **. От момента ухода ** до конца восьмидесятых годов большинство китайцев оставались на редкость простодушными, честными и чистыми помыслами. Они практически не соприкасались и не были приучены к таким порокам, как пьянство, гулянки, азартные игры, распутство, коварство и изворотливость. Этот благословенный отрезок времени получил название периода «инерции» **. Эта инерция была осязаемой силой, оставленной великим человеком после его кончины, излучаемой силой его личности и благоговейным трепетом живых перед грандиозными свершениями ушедшего. В качестве примеров столь необычной «инерции» можно привести два исторических случая. Первый: когда Сян Юй покончил с собой, воины ханьской армии еще долго не решались к нему приблизиться; а когда убедились, что он действительно мертв, начали резать друг друга за его

тело ради наград и титулов — в той резне погибло несколько десятков человек, а останки в итоге разделили между собой пять военачальников, каждый из которых впоследствии получил от Лю Бана княжеский титул. Второй: в конце эпохи Восточная Хань третий по силе могучий воин той эпохи Дянь Вэй, защищая Цао Цао, перебил двадцать девять врагов, прежде чем пал мертвым, и еще долго ни один вражеский солдат не осмеливался пройти мимо него. В обоих случаях присутствовала инерция, но длилась она лишь мгновение, тогда как «инерция» ** продолжала действовать целых тринадцать лет.

Люди эпохи ** казались словно накачанными допингом, черпавшими у ** сверхъестественную, надмирную и даже космическую энергию. В те времена желудки людей были пусты, а сердца — наполнены, материальная бедность сопровождалась духовным богатством. Нравы того периода уже были нравами **, а духовный уровень людей заранее шагнул в **. Им посчастливилось преждевременно вкушать возвышенной атмосферы **.

Тогда по всей стране установилась удивительная, радующая глаз атмосфера: вещи, найденные на дороге, не подбирали, а двери на ночь не запирали. Мощный политический натиск не оставлял людям ни единого шанса пристраститься к дурным привычкам, у них даже в мыслях не возникало воровских замыслов, а помыслы были чисты, как дистиллированная вода. Тогда люди еще знали стыд: даже совершив небольшую промашку, они под бой гонгов ходили по деревням, громко каясь в собственных грехах, — и это наказание пугало их сильнее любого штрафа, гарантируя, что ошибка больше не повторится. Чиновники, приносящие домой государственные деньги, просили жену помочь пересчитать их до последней монеты, а затем возвращали в учреждение копейка в копейку. Простые же люди, беря во временное пользование общественное имущество, никогда не пользовались случаем прихватить что-то себе в дом.

Никто ни за кем не надзирал, да в этом никто и не нуждался, поскольку мысли о преданности партии и родине превосходили заботы о себе и собственной семье. Истории о самоотверженном служении обществу в ущерб личному и семейному благополучию тогда исчислялись тысячами. Люди обладали поистине неиссякаемым революционным энтузиазмом и несокрушимой волей — побеждать во всем, за что бы ни брались. Зимой работали, прыгая в ледяную воду, ничуть не опасаясь схватить ревматизм, а женщины так усердно трудились до седьмого пота, что ни у кого и в мыслях не возникало увильнуть. Домашнюю утварь из меди и железа крестьяне добровольно сдавали на нужды государства для всеобщей выплавки стали. Словом, и тело, и имущество принадлежало родине, и люди делали всё, что прикажет партия. Рассматривая вопрос вертикально, ни одна династия правителей в истории Китая не смогла выдрессировать столь идеальных подданных; если же взглянуть горизонтально, в мире никогда больше не появлялось народа, настолько слившегося в помыслах со своим вождем. Подобное чудо и миф могли родиться лишь под руководством **. И ведь примеров воплощения мифа в реальность немало! Кровь одного человека соединялась с кровью народа всей страны и даже всего мира, стоило ему взмахнуть рукой, как весь поднебесный мир взрывался неистовым ликованием. Не было врага, который не дрожал бы перед ним от страха, и не было препятствия, которое нельзя было бы преодолеть.

Люди эпохи ** умели переносить любые тяготы и находить радость среди лишений, обладая несокрушимым, бьющим через край революционным оптимизмом. Здесь как нельзя лучше подходит изречение: истинное спокойствие рождается в движении, а истинная радость — в страдании. Французский мыслитель Жан-Жак Руссо говорил: стоит тяжелой жизни войти в

привычку, как чувство удовольствия от нее многократно возрастает.

Спустя десятилетия Хэй Тайян всем сердцем тосковал по эпохе **, больше всего стремясь ощутить царивший тогда простой и чистый духовный облик людей. Прошли десятилетия, и современные люди получили в свое распоряжение практически всё мыслимое и немислимое материальное изобилие, буквально пресытившись донельзя. И тем не менее многие из них маются от смертельной пустоты и душевного раздвоя, ежедневно балансируя на грани нервного срыва и мыслей о самоубийстве. Это лишний раз обнажает низкую человеческую природу: бедную жизнь пережить легко, а богатую — трудно.

Но вернемся к нашему рассказу. В тот самый миг Хэй Тайян, уютно устроившись на руках у матери, вовсю ворочал глазками, глядя на торжественные лица взрослых. Он даже прекратил свои детские лепетные попытки говорить, словно тоже постигая сокровытый в моменте дух.

Не прошло и нескольких дней, как наступило лето. В один из таких вечеров Гуань Дапао расстелил циновку прямо под открытым небом у порога и уложил Хэй Тайяна спать пораньше. Малыш посасывал маленький палец, глядя в ночное небо с таким сосредоточением и увлечением, будто в его поле зрения вот-вот должны были объявиться гости из космоса. Усыпанное звездами небо казалось россыпью золотых иероглифов, а временами чертившие «белые росчерки» падающие звезды напоминали великого читателя, который, обнаружив удачную фразу, наспех проводил под ней черту пером.

Хэй Тайян в одиночку читал небесную книгу, но не успел перелистнуть и вторую страницу, как створки век заслонили ему обзор. Дапао же с Юйпин, уложив ребенка, предались любви и вскоре сладко заснули.

В те годы люди жили небогато, и хозяйки ради экономии зерна придерживались принципа: если еды не хватает, воды добавим. Похлебка зачастую выходила настолько жидкой, что в ней можно было смотреться как в зеркало. Рождение еще одного ребенка решалось добавлением лишнего ковша воды в котел. По этой причине взрослым по ночам приходилось вставать до ветру, попутно поднимая и малышей, иначе те рисковали «уплыть в Ханькоу» — то есть залить постель во сне.

Семьи Жэнь и Гуань жили по соседству. Жэнь Мянътао всё-таки работала в государственной структуре, любила чистоту и переживала за соблюдение гигиены. Пока она находилась дома, у них вошло в привычку подниматься посреди ночи вместе с матерью и обязательно будить племянника Шоуяна по малой нужде. В эту ночь его долго звали, но мальчик не выходил. Когда окликнули снова, Шоуян сквозь слезы пожаловался: «Снаружи куча огромная, не пройти!» Женщины сразу догадались, в чем дело, и больше тревожить его не стали. Мать с дочерью вышли первыми.

При свете бесчисленных звезд они увидели, как Хэй Тайян «сосет молоко» прямо между ног Дапао. Это зрелище так их позабавило, что они, зажав носы ладонями, тихонько рассмеялись.

Справив нужду, мать Жэнь остановилась у отхожего места в ожидании Мянътао. От нечего

делать и из простого любопытства она снова бросила взгляд в сторону двора Гуаней. Увидев, что Юйпин шарит руками вокруг себя и обнаруживает лишь пустоту, она испуганно проснулась и поспешно села искать ребенка. Заметив, что малыш с жаром присосался к источнику молока, Юйпин пришла в ярость и, мгновенно схватив ребенка, швырнула его обратно на циновку так, что тот залился горькими слезами.

Лун Юйпин оделась, отвесила Дапао звонкую пощечину и оставила того в полном недоумении. Тот приподнялся, ничего не понимая, и полез в драку, но очень быстро оказался в проигрыше, принявшись на все лады причитать: «Ой, мамочки!» — и вымалывать пощаду.

Мяньтао, притаившаяся в туалете, окликнула мать:

— Что там стряслось?

Та ответила шепотом:

— Третий верхом на развилке устроился, а вторая за руки держит!

Мяньтао изумленно протянула:

— У третьей снохи такая силища, что двоих братьев одолела?

Мать оборвала ее:

— Молодая еще, зачем тебе такие подробности?

Мяньтао, хоть и пожила на люди и кое-что повидала, еще не имела семейного опыта, но сразу сообразила, в чем дело, и расспрашивать перестала.

Опасаясь, что дочь выйдет и увидит лишнего, мать Жэнь громко кашлянула. Супруги Гуань мгновенно замерли, словно в них вонзили парализующие иглы, рухнули на циновку, накрылись простыней и притворились спящими.

Когда женщины вернулись, Шоуян уже был спущен с кровати Жэнь Пу. Мальчик стоял, прислонившись к дверному косяку, и тихонько всхлипывал, размазывая слезы по лицу. Ночные слезы без видимой причины — обычное дело для детей, особенно когда их будят среди ночи. Мяньтао помогла ему справиться с малыми делами и, нащёптывая «sss-sss», ласково проводила пописать за порог.

Закрывая дверь, Мяньтао заметила, как по небу промелькнула падающая звезда, представив, какое это грандиозное небесное явление. Этот казавшийся легким и бесшумный росчерк наверняка звучал громче пушечного выстрела, а люди не слышали его лишь потому, что он происходил на невероятном удалении. Грохот от него явно не уступал раскатам грома, судя по ослепительной вспышке, сравнимой с молнией.

С глухим стуком захлопнулась дверь, и в горной деревне вновь воцарилась тишина.

<http://bllate.org/book/22008/2287957>